

Великий Вождь из Вашингтона извещает, что желает купить нашу землю. Великий Вождь также посылает нам весть дружбы и доброй воли.

Он очень добр, ибо мы знаем, что наша дружба — слишком малая плата за его расположение. Однако мы обдумаем Ваше предложение, ибо понимаем, что если не продадим землю, бледнолицый придет с ружьями и отберет её силой.

Как вы сможете купить небо или тепло земли? Эта мысль нам непонятна. Если мы не распоряжаемся свежестью воздуха и всплесками воды, то как вы можете купить их у нас?

Для моего народа каждая пядь этой земли священна. Каждая сверкающая сосновая шишка, каждый песчаный берег, каждый клочок туман в темном лесу, каждая поляна и каждая жужжащая мошка — все они святы для памяти и чувств моего народа. Сок, текущий в стволах деревьев, несет в себе память краснокожих.

Вступив на путь среди звезд, усопшие бледнолицые забывают страну своего рождения. Наши усопшие никогда не забывают этой прекрасной земли, ибо она — мать краснокожих. Мы — часть этой земли, и она часть нас самих. Душистые цветы — наши сестры, олень, конь, большой орел — наши братья. Горные вершины, сочные луга, теплое тело мустанга и человек — все они одна семья.

Когда Великий вождь из Вашингтона говорит, что хочет купить у нас землю, он требует от нас слишком многого. Великий вождь извещает, что он оставит нам место, чтобы мы жили в удобстве. Он станет нам отцом, а мы станем его детьми. Но всё не так просто, ибо для нас эта земля — священна.

Эта сверкающая вода, текущая в ручьях и реках, — не просто вода, а кровь наших предков. Если мы продадим вам землю, вы должны помнить, что она священна. Вы должны учить своих детей тому, что она священна, и любой призрачный отблеск в чистых водах озер повествует о делах жизни и памяти моего народа. Журчание воды — это голос отца моего народа. Реки — наши братья, они утоляют нашу жажду. Реки переносят наши каноэ и кормят наших детей. Если мы продадим вам землю, вы должны помнить и учить ваших детей, что реки — наши братья и ваши братья; и впредь вы должны относиться к рекам с той же добротой, с какой относитесь к своему брату.

Краснокожий всегда отступал перед идущим вперед бледнолицым, как горный туман отступает перед утренним солнцем. Но прах наших отцов свят. Их могилы — священные места, и потому эти холмы, деревья и участки земли стали для нас святыми. Мы знаем, что бледнолицый не принимает наших мыслей. Для него один

участок земли ничем не отличается от другого, ибо он — чужак, который приходит ночью и берет от земли всё, что захочет. Для него земля не брат, а враг, и он идет вперед, покоряя её. Он оставляет могилы отцов позади, но это его не заботит. Он похищает землю у своих детей, но это его не заботит. Он забывает о могилах отцов и о правах своих детей. Он относится к своей матери-земле и к своему брату-небу как к вещам, которые можно купить, ограбить и продать, как овцу или яркие бусы. Его жадность пожирает землю и оставляет за собой пустыню.

Я не понимаю... Наши мысли отличны от ваших. Зрелище ваших городов — боль для взора краснокожего. Возможно, что так происходит потому, что краснокожие — дикари, и они многого не понимают. В городах бледнолицего нет тишины. В них нет такого места, где можно послушать, как весной распускаются почки, как шелестят крылья насекомых. Возможно, что я просто дикарь и многого не понимаю. Мне кажется, что шум только оскорбляет слух. Разве это жизнь, если человек не может расслышать одинокий крик блуждающего огонька или ночной спор лягушек у пруда? Я — краснокожий, я многого не понимаю. Индейцы предпочитают мягкое звучание ветра над водами пруда, запах этого ветра, омытого полуденным дождем и пропитанного ароматом сосновой смолы.

Для краснокожего воздух — сокровище, ибо одним (им) дышит все живое: и зверь, и дерево, и человек дышат одним дыханием. Бледнолицый не замечает воздуха, которым дышит. Он не ощущает зловония, как человек, который умирает уже много дней. Но если мы продадим вам свою землю, вы должны помнить, что для нас воздух — сокровище, что воздух делится своим духом со всем живым. Тот ветер, который вдохнул дыхание в наших дедов, принимает их последний вздох. И этому ветру предстоит наполнить духом жизни наших детей. Если мы продадим вам свою землю, вы должны держаться в стороне от неё и относиться к ней как священной, как к тому месту, куда даже бледнолицый сможет прийти, чтобы ощутить вкус ветра, сладкий от луговых цветов.

Мы обдумаем ваше предложение купить нашу землю. Если мы решим принять его, я поставлю одно условие: бледнолицый должен относиться к животным этой земли как к своим братьям. Я — дикарь, я не могу думать иначе. Я видел тысячи мертвых бизонов в прериях — их оставил бледнолицый, стрелявший из проходившего мимо поезда. Я — дикарь, и я не могу понять, как дымящийся железный конь может быть важнее бизона, которого мы убиваем, только оказавшись на краю гибели. Что будет с человеком, если не станет зверей? Если все звери погибнут, люди умрут от полного одиночества духа. Чтобы ни случилось с животными, это случается и с человеком. Всё взаимосвязано.

Вы должны учить своих детей тому, что земля у их ног — прах наших предков. Тогда они будут почитать эту землю и рассказывать своим детям, что в земле кроются жизни нашего рода. Учите своих детей тому, чему учим своих детей мы, а мы говорим им, что земля — наша мать. Что бы ни случилось с землей, это случается и с её детьми. Когда человек плюет на землю, он плюет в самого себя.

Вот что мы знаем: не земля принадлежит человеку, а человек принадлежит земле. Вот что мы знаем: всё в мире взаимосвязано, как кровь, которая объединяет целый род. Всё взаимосвязано. Чтобы ни случилось с землей, это случается и с её детьми. Не человек плетёт паутину жизни — он лишь одна нить в ней. Если он делает что-то с паутиной, то делает это и самим собой.

И всё же мы обдумаем ваше предложение уйти в ту резервацию, которую вы приготовили для моего народа. Мы будем жить в стороне от вас, мы будем жить спокойно. Не так уж важно, где мы проведем остаток своих дней. Наши дети уже видели своих отцов униженными поражением. Наши воины уже ощутили стыд. После поражения их жизнь обернулась праздностью, и они губят свои тела сладкой пищей и крепкими напитками. Не так уж важно, где мы проведем остаток своих дней. Их осталось не так много. Лишь несколько часов, всего несколько зим, и не останется ни одного сына великих племен, которые когда-то так любили эту землю и которые сейчас скитаются малыми группами в лесах. Никто не сможет оплакивать тот народ, который когда-то был столь же могуч и полон надежд, как ваш. Зачем же мне оплакивать смерть своего народа? Племя — это всего лишь люди, ничего больше. Люди приходят и уходят как морские волны.

Даже бледнолицый, чей Бог идет рядом и говорит с ним, как друг, не может избежать всеобщей судьбы. В конце концов, быть может, мы еще станем братьями — посмотрим. Но мы знаем нечто такое, что бледнолицему предстоит когда-нибудь узнать: у нас с вами один Бог. Сейчас вы считаете, что владеете своим Богом точно так же, как хотите овладеть нашей землей, но это не так. Он — Бог всех людей и равно сострадает и краснокожим, и бледнолицым. Для Него эта земля — сокровище, и причинять вред этой земле означает поднимать руку на её Творца. Бледнолицые тоже уйдут, хотя быть может позже, чем остальные племена. Продолжайте пачкать свое ложе, и однажды ночью вы задохнетесь в собственных отбросах. Но в своей гибели вы будет ярко пылать, объятые пламенем мощи Бога, который привел вас на эти земли и по некой особой причине наделил вас господством над этой землей и над краснокожими.

Для нас такая судьба — загадка, ибо мы не понимаем, зачем нужно убивать бизонов, зачем приручать диких лошадей, зачем нарушать таинственные думы

леса тяжелым запахом толпы людей, зачем пятнать склоны холмов говорящими проводами.

Где заросли? Их нет. Где орёл? Его нет. Почему нужно прощаться с быстрым пони и охотой? Это — конец жизни и начало выживания.

Мы обдумаем ваше предложение купить нашу землю. Если мы согласимся, то будем в безопасности в обещанной вами резервации. Так мы сможем прожить короткий остаток своих дней так, как захочется нам. Когда с этой земли исчезнет последний краснокожий, а памятью о нём будет только тень облака, парящего над прерией, в этих берегах и лесах по-прежнему сохранится дух моего народа, ибо он любит эту землю, как новорожденный любит сердцебиение своей матери. Если мы продадим вам эту землю, любите её так, как любили её мы. Заботьтесь о ней так, как заботились о ней мы. Сохраните в своей памяти вид этой земли, какой она была, когда вы забрали её. И всеми своими силами, всеми своими мыслями, всем сердцем сберегите её для своих детей — и любите её так... как Бог любит всех нас.

Мы знаем одно: у нас с вами один Бог. Для Него эта земля — сокровище. Даже бледнолицем не избежать всеобщей судьбы. В конце концов мы еще можем стать братьями. Посмотрим.